

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

ПРОМЫШЛЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

«ИС» выходит с 1957 года (до 1992 г. – под названием «Вопросы изобретательства»)

№ 12

2021 декабрь

66/ Патентные
исследования

5/ Государственная
политика

23/ Инновационная
экономика

17/ Региональная политика

43/ Географические
указания

Оформите подписку на 2022 год! Подробнее – на www.superpressa.ru

Главный редактор – Н.Б. ТЕРЕНТЬЕВА

E-mail: pravo@superpressa.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Г.П. Ивлиев (к.ю.н.) – руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент)

С.Я. Тлевлесова (к.ю.н.) – президент Евразийского патентного ведомства

А.Б. Кашеваров (к.э.н.) – заместитель руководителя Федеральной антимонопольной службы (ФАС России)

П.В. Степанов (к.ю.н.) – советник, заместитель Министра культуры Российской Федерации

Б.Б. Леонтьев (д.э.н., профессор) – генеральный директор Института СОИС, зам. председателя Комитета по интеллектуальной собственности ТПП РФ

А.О. Аракелова (доктор искусствоведения, заслуженный работник культуры Российской Федерации) – и.о. ректора Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС)

Е.В. Королева (д.э.н., доцент) – руководитель аспирантуры и докторантуры РГАИС

И.А. Близнец (д.ю.н.) – профессор МГЮА, академический директор Научно-образовательного центра интеллектуальной собственности и цифровой экономики

А.Г. Бадалова (д.э.н., профессор) – МГТУ «СТАНКИН»

А.А. Ищенко (к.э.н.) – председатель ЦС ВОИР

О.В. Видякина (к.э.н., LL.M., патентный поверенный РФ) – доцент кафедры «Интеллектуальная собственность» МГТУ им. Н.Э. Баумана

Е.Б. Балашов (к.ю.н.) – заместитель председателя Правительства Иркутской области, руководитель представительства Правительства Иркутской области при Правительстве Российской Федерации в г. Москве

В.Ф. Евстафьев (д.т.н., профессор)

В.О. Калятин (к.ю.н.) – ведущий юрист по интеллектуальной собственности ОАО «РОСНАНО», профессор Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ

В.В. Антипин – генеральный директор НВОУ «Институт рынка и интеллектуальной собственности», представитель Коллегии ВПК РФ

А.А. Амангельды (д.ю.н., профессор) – Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева

А.Г. Матвеев (д.ю.н., профессор) – Пермский государственный национальный исследовательский университет

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

ПРОМЫШЛЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

№ 12 / 2021 декабрь

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный ПИ № 77-15023. Учредитель – ООО «Издательский Дом «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ» (с 2012 г. является членом Московской торгово-промышленной палаты)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ журнал «Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по группе научных специальностей 08.00.00 – экономические науки (дата включения: 27.01.2016).

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ:

А.Л. Просветов
ведущий редактор

В.А. Медведев
компьютерная верстка

А.Л. Просветов
корректор

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС:

115035, г. Москва, а/я 66

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

г. Москва, Раушская наб., 4, офис 416

Тел./факс: +7 (495) 959-33-24

E-mail: pravo@superpressa.ru

www.superpressa.ru

Патентное право как монопольное промышленное право патентовладельца-инвестора

А. Залесов

(г. Москва)

zalesov@azalesov.com

Адвокат, патентный поверенный
АБ «А.Залесов и партнеры», к.ю.н. А.В. Залесов
рассматривает в своей статье сущность
патентного права как монопольного права
патентовладельца. Автор показывает,
что субъективное патентное право
возникает у заявителя, подавшего заявку,
но не у изобретателя (в этой связи автор
указывает на ошибку, содержащуюся
в ст. 1345 ГК РФ). Также отмечается,
что исторически сформировавшаяся
цель патентного права – это защита
интересов не изобретателя, а именно
патентовладельца как инвестора,
занимающегося внедрением изобретения
в промышленность. Поэтому патентное право
по методу и целям регулирования относится

The article by A. Zalesov (Ph. D. in Law),
lawyer, patenting attorney at “A. Zalesov
and Partners” company, reviews the essence
of patenting right as the monopolistic right
of the patent owner. The author shows that
the subjective patenting right emerges with
the applicant who files an application but not
with the inventor (and points at the mistake
found in Article 1345 of the Civil Code of the
Russian Federation). He also notes that,
historically, the goal of the patenting right has
been to protect the interest of patentholder
as investor attempting to use invention in the
industry, but not the inventor. Therefore,
patenting right, in terms of its method and
goals of regulation, is a separate right –
industrial property right, but not copyright.

к отдельной отрасли – праву промышленной собственности, но не к авторскому праву. Правом промышленной собственности также являются исключительные права на товарный знак, где фигура автора отсутствует.

Ключевые слова:

патент, патентное право, изобретение, патентная монополия, изобретатель, патентообладатель.

Exclusive right for trademark, where the author is absent, is also part of the industrial property right.

Keywords:

patent, patenting right, invention, patenting monopoly, inventor, patent holder.

Salus publica supreme lex esto.

О монопольном характере патентного права в российском гражданском законодательстве не говорится ни слова. В отечественном законодательстве о защите конкуренции в главе, посвященной борьбе с монополистической деятельностью, прямо указано на невозможность наложить запрет на действия патентообладателя как на лицо, злоупотребляющее доминирующим монопольным положением (Федеральный закон «О защите конкуренции», статья 10)¹. В правосознании большинства граждан слово «монополия» ассоциируется с чем-то отрицательным, с чем нужно бороться, хотя в действительности противостоять нужно не монополии (которая может выполнять общественно полезную функцию), а монополистическим злоупотреблениям, то есть незаконной монополии.

О монополистической сути субъективного патентного права (видимо, ввиду ее отрицательной коннотации) современные российские специалисты рассуждают неохотно даже теоретически, предпочитая использовать термин «исключительные права» в отношении изобретения как результата творческой (интеллектуальной) деятельности (РИД). Редкие статьи современных отечественных ученых (И.А. Зенина, Э.П. Гаврилова, О.А. Городова) на эту тему являются скорее исключением, доказывающим правило. Обычно комментаторы патентного законодатель-

ства, не желая говорить о монополии, любят ссылаться на фигуру изобретателя как на основу основ патентной системы. Якобы патентование исторически было придумано ради обеспечения творческой деятельности гения-изобретателя и успешного внедрения изобретателем своих разработок в условиях рыночной экономики.

Но рассказы о том, что патентное право – это право изобретательское, составляют один из самых распространенных мифов о патентах. Он удобен для эффективного оправдания в глазах общественности тех ограничений, которые патенты накладывают на общество. Конечно, этот миф, как и любой другой, имеет некую основу в реальности и в истории, но он существенно их искажает. В действительности максимально короткое определение сущности патентного права – это принадлежащая патентообладателю законная монополия на изобретение.

Здесь необходимо заметить, что в советское время в нашей стране патентное право было в значительной степени правом изобретательским. Но классическое патентное право (то есть патентное право, которое действует сейчас почти во всем мире) – это право, основанное на монопольном праве патентовладельца, а изобретатель в нем присутствует в качестве вторичного субъекта, не влияющего

¹ «4. Требования настоящей статьи не распространяются на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг».

на основные процессы функционирования этого права. Совершенно не случайно патентное право исторически было отнесено к отдельной отрасли права – праву промышленной собственности. Это название активно используется патентными специалистами и даже обозначает кафедру РГАИС, но оно почти забыто в отечественной цивилистике. Если спросить среднестатистического выпускника-правоведа из любого отечественного университета (не РГАИС) о том, что такое промышленная собственность, он с большей долей вероятности вспомнит скорее о трасте, нежели о патенте.

Интересующиеся историей патентного права знают, что патентная система создавалась европейскими монархами вовсе не для защиты и поощрения изобретателей, а для развития промышленного производства в условиях феодализма путем стимулирования новых предприятий посредством выдачи привилегий (монополий) на технико-экономические новшества. Государь-суверен лично или назначенный им государственный орган по своему усмотрению предоставлял монополию на промысел обратившемуся к нему с челобитной об этом. За привилегией обращались промышленники (индивидуальный собственник или цех), и это почти никогда не был лично изобретатель. Вопрос о том, называть ли имя автора новшества при обращении за привилегией, часто решался на основе традиции, в том числе цеховой. Ввозной патент², например, прямо предусматривал ввоз и монопольное использование чужих разработок, поэтому изобретатель тут был явно ни при чем. Таким образом, исторически патентное право как право государственных привилегий (монополий) возникло как феодальное право промышленника (или, выражаясь современным языком, – инвестора), а не как право

изобретателя. Отсюда и пошло название отрасли права – право промышленной собственности.

Позднее, в период буржуазных революций в патентной системе, действительно появился изобретатель как один из субъектов этих отношений. Принимаемые буржуазные по своей сути законы о привилегиях³ (даже в эпоху самодержавия) предписывали, чтобы имя изобретателя указывалось в патенте (привилегии) наряду с именем ее владельца. В эпоху промышленных революций и быстрого развития капитализма значимость фигуры изобретателя еще больше возросла. Автор новшества часто становился патентовладельцем и сам развивал патентную монополию на свой предпринимательский риск. Но монополистическая суть (ценность) патента-привилегии осталась прежней и даже возросла, поскольку конкуренция при капитализме выше, чем при феодализме, а монополистических исключений в целом меньше (патент как раз и является таким исключением). При этом сам изобретатель становился патентообладателем в абсолютном меньшинстве случаев. С тех пор это соотношение почти не изменилось: сегодня подавляющее большинство патентов выдавалось и выдается не авторам, а их работодателям или юридическим лицам – инвесторам проекта.

В современных отечественных научных работах по интеллектуальной собственности ученые зачастую рассуждают о близких видах исключительных прав на РИД, а именно об исключительных правах на изобретение, полезную модель и промышленный образец (объекты патентного права), а также об исключительных правах на произведения литературы, науки и искусства (объекты авторского права). Выводятся даже общие теоретические подходы к преде-

² «На изобретения, уже известные в чужих землях без привилегии и даже описанные, все-таки выдавались иногда привилегии (так называемые *brevets d'importation*, ввозные привилегии), только в виде изъятия, по особому уважению правительства к ожидаемой от этого пользе и потребным на введение издержкам, и на сокращенный срок: не свыше шести лет. Эти привилегии, выдававшиеся на заведомо чужие изобретения, представляют одно из наиболее типичных отличий разбираемого периода и вполне согласованы с «милостивым» характером патентного права вообще» [2].

³ «Издание первого в России общего закона о привилегиях на изобретения (Высочайший манифест от 17 июня 1812 г., Полное собрание законов, № 25143) было вызвано следующими специальными обстоятельствами. В 1810 г. иностранцы Герен и Елглунд обратились с прошением на Высочайшее имя о даровании им привилегии на винокурный прибор, изобретенный иностранцами Адамом и Бераром. Высочайшим рескриптом на имя Министра финансов, последовавшим 3 июля 1811 г, пожаловано было Герену и Елглунду исключительное право пользоваться означенным способом винокурения вплоть до 1 мая 1820 г., – причем повелено было Комитету министров установить условия пользования означенной привилегией» [2].

лам осуществления как авторских, так и патентных прав «в интересах общества».

При таком теоретическом объединении патентного права с правом авторским сразу происходит неизбежное искажение сути патентного права как права промышленной собственности, а именно монопольного права патентовладельца, которое в реальности опосредовано и достаточно далеко отстоит от фигуры автора (изобретателя). У авторских прав и патентных прав в их правовой природе скорее больше различий, чем общего. Можно сказать, что только кажущейся общностью этих прав является фигура автора – одного из субъектов, участвующих в правоотношениях. Смешение через фигуру автора (изобретателя) авторского и патентного права методологически нежелательно и опасно. Это ведет к явным ошибкам и несуразицам.

Ключевые отличия этих правовых институтов состоят в следующем:

1) по субъекту исключительного права:

- автор (в авторском праве);
- патентовладелец, но не автор (в патентном праве);

2) по основанию возникновения:

- по факту создания произведения в объективной форме (в авторском праве);
- по факту патентования, регистрации объекта (в патентном праве);

3) по цели защиты права:

- защита от безвозмездного тиражирования художественного произведения (в авторском праве);
- защита монополии, то есть единоличного промышленного использования технической сущности, воплощаемой в объекте (в патентном праве);

4) по форме охраны:

- охраняется произведение в конкретной художественной форме (в авторском праве);

– охраняется техническая сущность как совокупность существенных технических признаков, необходимых и достаточных для достижения технического результата в любой форме (в патентном праве).

Если говорить о правовой природе, то субъективные исключительные патентные права гораздо ближе к субъективному исключительному праву на товарный знак, чем к исключительному авторскому праву. При этом в праве товарных знаков вообще нет фигуры автора как субъекта правоотношений по поводу исключительного права (норма об оспаривании регистрации ввиду нарушения авторского права лица, создавшего обозначение, – это разрешение вопроса о столкновении прав на объект, а не о распоряжении исключительным правом на товарный знак). Неслучайно подзабытая цивилистами классификация считает право на товарный знак и патентное право институтами права промышленной собственности, а не авторского права.

Сходство прав на товарный знак и прав патентовладельца как прав промышленной собственности состоит в том, что и в патентном праве, и в праве товарных знаков основным интересом, подлежащим защите правообладателя-промышленника, является единоличное коммерческое использование запатентованного (зарегистрированного) объекта прав. Негативная составляющая (запрет другим лицам коммерчески использовать объект охраны) есть общая и главная черта в патентном праве и в праве товарных знаков. В этих институтах права промышленной собственности она выражена гораздо сильнее, чем в авторском праве.

Автору художественного произведения обычно выгодно как можно более широкое использование результата его творчества (например, писатель становится более известным или растет слава художника) – разумеется, за справедливое вознаграждение. То есть основной спор в авторском праве связан не с запретами, а с платежами за распространение объектов. В то время как свободное изготовление и распространение объекта по патенту (даже за значительное лицензионное вознаграждение) зачастую совершенно не отвечает интересам патентовладельца. Например, принудительное лицензирование патента на оригинальное лекарственное средство в пользу дженериковой компа-

© www.istockphoto.com/Irina Vodneva

нии за справедливое рыночное вознаграждение обычно прямо противоречит интересам патенто-обладателя. Это объясняется тем, что оригинатору не нужны ни 10, ни 50, ни 150 процентов роялти: ему нужно монопольное положение и монопольная цена (выгода от которой значительно выше, так как монопольная цена лекарства не на проценты, а в разы выше).

Наглядной иллюстрацией реализации на практике совершенно ошибочной теоретической концепции отечественных законодателей, касающейся авторского и изобретательского начал в патентном праве, слу-

жит текст действующего закона, а именно статья 1345 Гражданского кодекса РФ⁴, где совершенно неверно указано, что автору изобретения, полезной модели или промышленного образца принадлежит исключительное право. Почти с таким же успехом в законе можно было написать, что вместе с правом авторства и авторским правом архитектору принадлежит право собственности на здание, а художнику – право собственности на картину. Оправдывая такой искажающий саму суть патентного права подход части четвертой Гражданского кодекса РФ, сообщающей городу и миру об авторе как об обладателе исключительного права на изобретение,

⁴ Статья 1345 Гражданского кодекса РФ: «1. Интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы являются патентными правами.

2. Автору изобретения, полезной модели или промышленного образца принадлежат следующие права:

- 1) исключительное право;
- 2) право авторства.

3. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, автору изобретения, полезной модели или промышленного образца принадлежат также другие права, в том числе право на получение патента, право на вознаграждение за служебное изобретение, полезную модель или промышленный образец».

в отечественной научной литературе и даже в судебных актах периодически приводят некую фикцию – первоначальное исключительное право изобретателя, которое у автора есть ввиду создания им изобретения (как в якобы близком авторском праве), но для признания этого права государством его надо подтвердить патентом. Введение такой фикции, как первоначальное исключительное право автора-изобретателя, заимствованного из авторского права, ничего не объясняет, а скорее еще более запутывает. Не проще ли было вспомнить о праве промышленной собственности, перечитав Парижскую конвенцию 1883 года?

Ввиду подачи заявки возникает комплекс взаимных административных прав и обязанностей заявителя и патентного ведомства

В действительности, конечно, исключительное право по патенту принадлежит не автору (изобретателю), а патентообладателю, и только патентообладателю. То, что патентообладателем в конкретном случае может оказаться автор, работодатель автора или их правопреемник (частный или универсальный) не меняет ровным счетом ничего. У автора или у любого лица, считающего себя автором (а также у правопреемника или работодателя такового), имеется не исключительное гражданское право на изобретение, а право на подачу заявки на выдачу патента (несколько неудачно названное в ст. 1345 ГК правом на получение патента). Ввиду подачи заявки возникает комплекс взаимных административных прав и обязанностей заявителя и патентного ведомства. Если заявитель выполнит все формальные требования и объект по заявке будет признан патентным ведомством патентоспособным, то право заявителя по заявке, в соответствии с законом, трансформируется в право на получение патента, которое заявитель может реализовать, уплатив пошлину. И только получив патент и став патентообладателем, заявитель (превращаясь в этот момент в патентообладателя) получает гражданское исключительное право на изобретение, а потому может запрещать исполь-

зование этого изобретения другим лицам. Без получения патента никакого исключения других лиц от использования изобретения (даже опубликованного в рамках публикации патентной заявки) быть не может. Поэтому гражданское патентное право – это право только патентообладателя, а никак не автора и не заявителя. Совершенно понятно, что в процессе реализации (например, в случае предоставления лицензии) и в процессе защиты исключительного права на изобретение автор (изобретатель) не участвует, несмотря на якобы имеющееся у него исключительное право по ст. 1345 ГК.

Наличие у автора (изобретателя) личного неимущественного права авторства (например, «права на славу») также не имеет ничего общего с имущественным исключительным правом патентообладателя. Более того, институт служебного изобретения изначально заменяет автора на работодателя в качестве субъекта в отношениях по поводу получения патента, наглядно показывая, что автор не является никаким первоначальным обладателем исключительного права. Смешение изобретателя как субъекта права с обладателем исключительного права однозначно ошибочно, а отечественный законодатель просто заблудился в трех соснах: автор (изобретатель), заявитель и патентообладатель.

В патентной системе автор изобретения (изобретатель) отстоит от «своего объекта» гораздо дальше, чем упомянутые архитектор и художник в системе авторского права. Можно сказать, что произведение авторского права сохраняет свою связь с автором и после отчуждения как самого произведения (в случае передачи собственности на авторскую вещь, например, на картину), так и авторского права на него. В системе авторского права можно видеть эту личную связь через совокупность имущественных (например, право следования) и личных неимущественных (право на неприкосновенность произведения) прав автора. Право автора на имя (псевдоним) всегда связано с произведением и с его оборотом. Можно явно проследить довольно тесную связь личности автора художественного произведения с судьбой произведения, включая его оборот и даже споры об авторстве и охраноспособности. Наоборот, внимательный взгляд на функционирование патентной системы, начиная с подачи заявки на получение патента, легко уви-

дит минимальность или почти полное отсутствие связи личности изобретателя (не являющегося одновременно патентообладателем) и судьбой патента на его изобретение, включая хозяйственную жизнь запатентованного продукта и патентные споры вокруг него.

В патентном праве изобретатель изначально как бы отодвинут заявителем в заявке на выдачу патента на второй план, опосредован – как номинально, так и фактически. Фигура изобретателя появляется в патенте только через заявителя и его волю, делая призрачной связь автора-изобретателя с его производением-изобретением. Какими наблюдениями это подтверждается?

Во-первых, можно сказать, что по факту изобретатель – это просто тот человек, кого заявитель в заявке указывает таковым. Следует заметить, что подпись изобретателя на заявке не требуется, так как ее подписывает заявитель (его патентный поверенный). Поэтому заявитель является посредником между автором и патентным ведомством, причем волей этого посредника почти все и определено.

Во-вторых, имя изобретателя не следует за оборотом вещей, в которых воплощено изобретение. Потребители (да и все общество) знают изобретения (а именно вещи, в которых воплощены эти изобретения) по бренду производителя вещей или по имени, стоящим за этим брендом, но не по имени изобретателя. Смартфоны iPhone – это компания Apple, или Стив Джобс, а суперэлектромобиль – это компания Tesla, или Илон Маск, но никак не сотни инженеров-изобретателей. Иногда, правда, имя изобретателя само становится брендом: «Калашников», «Сикорский», «Туполев», Toyota, Honda, Siemens и многие другие. Но это те случаи, когда изобретатель сам и являлся бизнес-двигателем проекта или инвестором – владельцем предприятия (перечисленные советские изобретатели, которые одновременно были и главными конструкторами, выполняли такую же роль с учетом особенностей социалистической системы хозяйствования).

В-третьих, объем охраны (формула изобретения), то есть то, что охраняется патентом, формируется заявителем при патентовании или патентообладателем при рассмотрении дела об оспаривании

действительности патента (изменение формулы). Никакого участия автора изобретения в этих правоустанавливающих и правоопределяющих процедурах, по общему правилу, нет и в помине. Таким образом, само охраняемое изобретение, его формулу и описание в патенте определяет, конечно, не изобретатель, а заявитель и патентообладатель, то есть формальное определение изобретения – это также никак не волеизъявление автора.

Чем объясняются такие существенные отличия авторского права и патентного права? Можно предположить, что они естественно связаны с механистическим, промышленным характером технического творчества в сравнении с гуманистическим характером художественного творчества.

В патентном праве, в этом «праве промышленной собственности», ввиду специфики объекта правоотношений, происходит значительное отчуждение автора (изобретателя) от объекта произведения (изобретения). Можно вспомнить здесь классиков марксистского учения, которое, как известно, все-таки, потому что оно верно. Марксисты аргументировано показывали отчуждение рабочих от результатов их труда и средств производства в капиталистической промышленной экономике. По сути, изобретатели (особенно инженерно-технические работники) – это те же рабочие на предприятии, только занимающиеся творческим трудом. Почему же они не должны быть отчуждены от результатов их творческого труда в капиталистической системе? Патент отчуждает результат творческого труда работника, даже если этот результат является высокохудожественным объектом. Вполне наглядно видно, что право художника на известную обществу картину есть гораздо более личностное право, чем право патентообладателя (а не самого дизайнера) на промышленный образец. Дизайн туфель, сумки или галстука по промышленному образцу, запатентованному какой-либо фирмой – Valentino, Gucci, Louis Vuitton и т. д., – известен потребителям именно под конкретным именем фирмы, хотя почти наверняка эти прекрасные произведения являются творениями безвестных дизайнеров, а не великих основателей модных домов.

Как объяснить эту личную связь произведения авторского права с автором? Авторское право твор-

ца (например, авторские права ранее упомянутых архитектора или художника на проект здания или картину) возникает в момент создания произведения в любой объективной форме. Теоретически, конечно, другой архитектор или художник может попытаться присвоить авторство на чужое творение. Ведь гербового документа по типу патента, удостоверяющего авторское право, у художника или архитектора нет. Но откровенный плагиат (умышленная замена на произведении имени другого архитектора, художника как автора на свое) вещь почти немислимая – настолько тесно связан проект с личностью автора. Причем эта связь вполне материальная (можно сказать, буквальная): она подобна связи письма через почерк с лицом, которое вручну написало это письмо. Манера письма определенного художника или архитектурный стиль конкретного архитектора объективно могут быть установлены, в частности, искусствоведческой экспертизой в судебном процессе при разрешении спора.

Более того, именно неповторимая манера конкретного архитектора или художника и обуславливает эстетическую ценность его произведения. В некотором смысле может существовать только одно произведение автора на заданную тему, раскрывающее в творении художественную составляющую личности автора. Собственно, эта «личность автора», отраженная в произведении и овеществленная в авторской вещи (например, в здании или картине), и составляет ценность такой вещи для потребителя (например, для собственника, по заказу которого вещь создана автором). Можно сказать, что копирование и тиражирование есть вынужденное отступление от личностной сути произведения для того, чтобы сделать произведение (часть личности) доступным массовой публике в виде копии этой части художественной личности. Это искажение видят только глубоко разбирающиеся в искусстве люди. Например, некоторые ценители музыки не воспринимают даже высококачественных аудио записей – они ищут только живое исполнение произведения конкретным выдающимся музыкантом, которое индивидуально. Разумеется, для большинства публики разница здесь слабо уловима.

Здесь, собственно, и проходит грань между художественным и промышленным миром. Где нужна

массовость, там личность автора не нужна, а нужен бренд. Поэтому в противовес гуманистическому художественному творчеству, механистическое техническое творчество как основа промышленной экономики, в которой сущность должна многократно воплощаться и копироваться, нуждается патентной системе, призванной закрепить монопольное право на разработанную новую техническую сущность за инвестором – промышленником-патентоладельцем. Патент – это право на многократное воспроизведение идеальной технической сущности в материальном объекте в целях получения прибыли. Тут важна техническая суть, годная для воспроизведения, а не какое-то проявление личности автора. Поэтому в патенте все изначально направлено на формальное отчуждение этой технической сущности от личностной сущности автора (изобретателя). Это делается всегда, несмотря на указание в патенте имени автора, что является некоторой данью уважения, которая, однако, ни на что реально не влияет.

Можно сказать, что в интересах промышленности нужно, чтобы личности многих авторов (изобретателей и дизайнеров), изначально представленные в их творениях, обезличились, перешли в пользу промышленника-правообладателя и стали частью его бренда – этой эфемерной личности уже самого промышленника, представляющего предприятие всему обществу и участвующему в экономическом обороте. Бренд как экономико-публичная личность промышленника должен поглотить личности действительных творцов промышленных товаров. Отдавая дань традиции, можно и указать имена изобретателей в патенте, пылящемся на полке патентного ведомства (или на виртуальной полке Google Patents), которой пользуется только узкий круг патентных специалистов, да и они обычно имена авторов не читают.

Соответственно этим целям настроен и весь механизм современного патентования по процедуре, известной как процедура первого заявителя. Тот, кто первым подал заявку на изобретение и назвал в ней какого-то автора, а не тот, кто первым изобрел и является действительным автором (!!!), получит патент и станет обладателем исключительного права на запатентованный объект с указанием «своего» автора. Следует напомнить, что подпись автора

на заявке по закону не требуется, а авторство указанного в заявке лица презюмируется и удостоверяется выданным патентом. Таким образом, личность автора опосредуется заявителем и из реальности становится некоей абстракцией уже на стадии подачи заявки на выдачу патента путем указания некоего имени в заявке. Здесь выступает не воля автора, а воля заявителя. Например, какое-либо лицо может вообще не знать, что в заявке его указали как автора (в случае служебного изобретения так бывает довольно часто). Или автор, указанный в заявке недобросовестным заявителем, является вымышленным самим заявителем лицом. А случаи, когда заявитель указывает самого себя автором чужого (вернее, заимствованного) изобретения, являются почти общим местом российской патентной системы (например, для служебных произведений, где автором указан руководитель предприятия).

При этом если чужое изобретение «подглядел» специалист (инженер-патентовед, например), то он сможет его описать своим инженерным языком, и это будет уже «его» патентная заявка на чужую инженерную идею. Поэтому здесь не может быть речи ни о «неповторимой манере изобретателя», ни о «воплощении личности автора». Будет заимствована техническая суть, которая и составляет ценность технического решения, а «манера», если так можно говорить о конкретной форме написанной заявки, будет характеризовать не автора, а патентоведа. Воплощение личности изобретателя происходит в нахождении сущности технического решения, но никак не в художественной форме. Собственно, форму найденному изобретателем техническому решению определяет и придает составляющий патентную заявку специалист, а не автор.

Никакая «художественная ценность как воплощение личности автора» никому в патентовании, разумеется, не нужна. Необходимо лишь грамотно описать техническое решение, что может сделать профессионально патентовед соответствующей квалификации, ознакомившись с представленным ему набором сведений об этом решении. Таким образом, в патентной системе с плагиатом все обстоит, как мы видим, гораздо проще, чем в авторском праве. Споры об установлении авторства и патентообладателя случаются, но они весьма редки в сравнении с другими категориями патентных споров

(о нарушении патента или о патентоспособности изобретения). Лежащее на истце бремя доказывания для опровержения презумпции авторства того, кто указан в патенте, зачастую является непосильным. Ведь из текста патентной заявки нельзя объективно установить связь с автором (в силу отсутствия авторского стиля), поэтому экспертиза об авторстве изобретения невозможна. Иные средства доказывания (свидетельские показания, например) также имеют свои ограничения.

Лежащее на истце бремя доказывания для опровержения презумпции авторства того, кто указан в патенте, зачастую является непосильным

Можно высказать и личное наблюдение. Собственная 25-летняя практика автора многократно подтверждала, что монополия на изобретение (прежде всего исключение других конкурентов от его использования) и составляет основную привлекательность субъективного патентного права. Личность изобретателя в коммерциализации изобретения и в патентных спорах вообще не играет никакой роли (если, конечно, не принимать во внимание те ситуации, где автор является патентообладателем или как-то иначе вовлечен в патентный проект). Поэтому для автора настоящей статьи совершенно понятно, что практическая суть патентной системы – это монополия составляющая, право именно патентовладельца (а не право изобретателя) на единовластие по отношению к запатентованному объекту. Скромное умалчивание монополия составляющей в теории патентного права и замена ее в цивилистике на исключительные права, да еще в связи с фигурой изобретателя, делает эту теорию очень далекой от практики, сухой, да и просто ошибочной.

Как уже указано выше, теоретических исследований о монополия правовой природе патентного права (например, о его связи с конкурентным правом) в современной российской правовой литературе очень мало. Автор вообще не встречал сколько-либо подробных работ, связанных с этой темой. Можно

также отметить интересный факт. Советская специализированная литература (особенно до середины 1960-х годов, когда СССР присоединился к Парижской конвенции об охране промышленной собственности) систематически противопоставляла советское изобретательское право (как прогрессивное право, направленное на защиту прав изобретателя) капиталистическому праву промышленной собственности. Патентное право, обслуживающее капиталистические отношения, критиковалось советскими правоведами под различными углами зрения. Но даже в период советского «великого эксперимента» термин «монополия» в отношении патентного права (даже буржуазного) был не очень употребим в учебниках и статьях. Думается, что это происходило по идеологическим соображениям. В Советском Союзе иностранным компаниям выдавался патент СССР. Но, конечно, правоустанавливающий документ, выдаваемый советским правительством, не мог удостоверить монополию капиталиста на советской территории. В итоге изучение монопольного характера патентного права нужно вести по дореволюционным работам А.А. Пиленко и В.Д. Каткова. Однако этим работам уже более ста лет, и мир за это время изменился.

Умалчивание реального монопольного характера патентного права как права промышленной собственности и отсылка к мифической изобретательской сущности как его основе привели к тому, что в современной практической работе патентной системы имеется множество перекосов. Нельзя однозначно сказать, что какая-либо монополия – это заведомо плохое или заведомо хорошее явление.

Монополия может быть полезной или вредной обществу в зависимости от конкретных обстоятельств. Но монополизм – это важнейшее, если не основополагающее свойство, которое нужно учитывать при принятии решений для правильной работы патентной системы к общественному благу.

Поэтому в заключение статьи назовем патент на изобретение тем, чем он в действительности является. Конечно, всякое определение несколько упрощает предмет или явление, которые оно описывает, но определить что-либо (отграничить от похожего) всегда полезно для систематизации знания в целях дальнейшего практического использования определяемого объекта.

Короткое определение. Патентное право – это принадлежащая патентообладателю законная монополия на изобретение. Более подробное определение патента на изобретение может выглядеть так. Патент – это документ, удостоверяющий выданную заявителю, указавшему себя в качестве автора или его правопреемника, государством (или международной организацией по соглашению с государством) по нормативно установленной процедуре в обмен на первое раскрытие государству существа нового, неочевидного специалисту и промышленно применимого технического решения, с уплатой пошлины (или как льгота) и защищаемую государством строго ограниченную во времени монополию на использование изобретения и его лицензирования другим лицам на суверенной государственной территории с обязательствами и ограничениями, установленными законом. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пиленко А.А. Право изобретателя. – М.: «Статут», 2001.
2. Пиленко А.А. Очерки истории русского законодательства о привилегиях на изобретения. – М.: Издательство Стасюлевича, 1902–1903 гг.
3. Катков В.Д. О привилегиях (патентах) на промышленные изобретения. – Харьков: тип. «Печ. Дело», 1902.
4. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М.: «Статут», 2010.
5. Городов О.А. Патентная монополия на изобретения // Патенты и лицензии. 2020. № 9. С. 12–20.
6. Гаврилов Э.П. О монополии из патента на изобретение // Патенты и лицензии. 2021. № 9. С. 56–58.